

**«НЕГОДНЫЕ ЛЮДИ ЕВРОПЫ»:
ВЗГЛЯД ИЗ ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ**

(Рец. на книгу: *The Clumsiest People in Europe, or: Mrs. Mortimer's Bad-Tempered Guide to the Victorian World*, edited and with an introduction by Todd Prusan. Bloomsbery. First U. S. Edition 2005. 198 p.)

В 2005 году в нью-йоркском издании «Bloomsbury» были опубликованы избранные главы из книги известной британской писательницы Ф. Л. Мортимер «Самые негодные народы Европы, или Вредный путеводитель миссис Мортимер по викторианскому миру». Фовелл Ли Мортимер (1802–1878 гг.) – автор книг религиозного и образовательного характера, предназначенных для детей и юношества, дочь лондонского банкира, в двадцать пять лет обратилась к вере и полностью посвятила себя духовному воспитанию подрастающего поколения. Как истовая протестантка, миссис Мортимер начала свою писательскую карьеру с назидательных детских книжек. В свое время она была одним из самых востребованных детских авторов, по ее иллюстрированному букварю «Чтение без слез» (1857 г.) учился У. Черчилль. В 1849–1854 годах выходят все три тома путешествий, мир – от Европы до Южной Африки, от Мексики до Цейлона. Занимательный факт, что сама автор этого путеводителя по миру Ф. Л. Мортимер за всю жизнь не покидала пределов родной Англии: если не считать поездок с семьей в годы отрочества и короткого визита в Эдинбург.

В последнее время тема представления народов друг о друге стала весьма актуальной и вписывается в контекст изучаемой исторической наукой проблемы феномена «другого» [1; 2; 3; 4]. В связи с этим интересным представляется реконструировать представления о жизни европейских стран XIX века по материалам книги английской писательницы викторианской эпохи Ф. Л. Мортимер «Самые негодные люди Европы» (избранное из книги «Описания стран Европы») [6], представляющей викторианскую специфику восприятия различных европейских стран, в том числе и собственно Британии, учитывая при этом особенности социальной, политической и культурной среды, в которой писалась эта книга. Викторианская эпоха – промежуток времени между 1837 и 1901 годами характеризовалась постоянными и быстрыми изменениями в экономической, социальной, политической и культурной жизни. Общим для всей викторианской эпохи можно считать необычный динамизм, ощущение «происходящего переворота», изменившего облик

всей страны. Мироощущение англичан складывалось под влиянием экономического процветания, национальной безопасности, развития парламентской системы, стабильности государственных институтов, постепенных и позитивных реформ [5, pp. 9–12, p. 42]. Достижения Британии производили неизгладимое впечатление не только на самих викторианцев, но и на представителей многих европейских стран. В то же время на сочинение Ф. Л. Мортимер накладывали отпечаток и субъективные факторы – ее воспитание, образование, ее уже сложившиеся взгляды. Все это, безусловно, отразилось на восприятии писательницы как собственно Англии, так и других европейских стран.

«Негодные люди Европы» – это череда стран, их особенностей, обыденной жизни людей. Ни один сюжет не выходит за рамки составленного Ф. Л. Мортимер плана. Но вместе с тем красноречивое и многозначное название книги указывает, что в предлагаемом читателю тексте не только предпринимается попытка создать образ Европы, но и отражается желание поиронизировать. Важную роль в восприятии стран играла система ценностей викторианского общества, сквозь фильтры которой проходила вся информация, предлагаемая читателю. Автор в названии глав дает легко запоминающиеся, доступные детям и взрослым характеристики европейского мира, отдельных стран, ограничивая и даже упрощая эти описания, но в то же время названия глав не обычны для современного читателя: Англия – «Они (англичане – Г. Г.) не приветливы в компании, так как им не нравятся чужие; Уэльс – «Что касается уэльсцев, то они не без пороков, но стремятся сделать их коттеджи безупречными, скрывая их недостатки»; Шотландия – «Они (шотландцы – Г. Г.) не похожи на звуки своих волынок»; Ирландия – «Во вселенной нет лачуг таких жалких, как ирландские домики и коттеджи»; Франция – «им нравится существование щеголей (или модная жизнь), но и они не без пороков»; Россия – «Улицы Петербурга наполнены шатающимися пьяницами»; Германия – «Они (немцы – Г. Г.) не так часто пьют чай, но зато хорошо знают, как его готовят»; Австрия – «Нигде нет столько любящих компаний, как в Вене»; Пруссия – «Что касается пруссаков, то они не любители поесть, они любители выпить» и т. д. [6, pp. 5–6]. Европейские страны выступали на страницах ее книги не только как объект изучения, но и как пример превосходства Англии. В соответствии с этим Ф. Л. Мортимер выстраивает текст своей книги.

Для понимания особенностей данного источника важными представляются структура текста глав, лексика, речевые обороты, даже название, иногда явно скептические, иронические, но вместе с тем отражающие ценностные ориентиры викторианской эпохи. Можно выделить два «уровня» описания страны автором. Первый «уровень» – это наиболее характерные события, достижения в различных областях, повлиявшие на жизнь страны. Говоря о самом важном для Англии, автор пишет, что в конце 1840-х годов викторианская Англия вступила в «болезненную юность, страживая с себя вековые поместья, луга и рыцарские поединки, и вступая в яму курения, мерзости, болезней ... Прогресс не был абсолютно невыносимым, ... так, отмена хлебных законов премьер-министром сэром Пилем принесла процветание..., но десять лет спустя – в середине 1848 годов – началось чартистское движение, и в следующем году Карл Маркс, русско-еврейские диссиденты поселились в Лондоне; «Дэвид Копперфилд» Чарльза Диккенса выходит в 1850, сестры Бронте... издают «Джейн Эйр»; сэр Эдвард Франкленд открыл амилоид алкоголя

в 1849, Артур Албригс изобрел в 1852 году фосфористые спички [6, р. 24]. Очевидно, что Ф. Л. Мортимер, вводя определенную информацию, стремится выделить значимость важных изменений для страны, но, главное – это сформировать у читателей представление о превосходстве англичан не только над другими европейцам, но и внутри Соединенного Королевства. Ее понимания значимости Англии находит свое продолжение в изложении существенных изменений в Уэльсе и Ирландии. Так, автор обращает внимание читателей на то, что «валлийский язык испытывает медленный спад в течение всего XIX века ... использование английского распространяется достаточно быстро. С 1811 по 1851 население увеличилось в два раза, на 1,2 миллиона человек, из них 808 мужчин и 202 женщины проводили остаток своей жизни в тюрьме, ... нехватка продуктов и высокие пошлины «выбили регион из колеи», но производство чугуна было на подъеме.... В середине века в Уэльсе «содействовали десяти еженедельным религиозным журналам и ежеквартальным журналам, не относящимся к какому-либо вероисповеданию» [6, р. 27]. Так, описание Ирландии автор начинает «мрачной картиной» жизни острова: неурожай картофеля, сопровождающийся такими болезнями, как брюшной тиф, холера, дизентерия, заставили умирать миллион ирландцев, началось «движение миллионов в поисках убежища в Британии и Северной Америке ... Ирландия “упрекала” (порицала английских сторонников невмешательства, оказывающих слишком маленькую помощь или финансовое облегчение во время упадка сохраняющегося голода, который сократил население с 8,2 до 6,5 миллиона человек в последующее десятилетие)». Но вместе с тем были открыты Королевские университетские колледжи в Белфасте, Корке, Гэлвее; количество провинциальных газет с 79 в 1843 г. увеличилось до 140 в 1863 [6, с. 32]. Рассматривая другие европейские страны, в частности Францию и Германию, автор уделяет особое внимание событиям 1848 года. И это неслучайно, так как сам факт революции 1848 года вызвал всеобщее волнение. Рухнул прежний социальный и политический порядок. В связи с этим рисуемая автором «картина» представлена следующими изменениями: «февральский бунт освободил короля Луи Филиппа от королевских обязанностей и ввел избирательное право для французов, которые изберут Луи Наполеона Бонапарта...», он постепенно будет укреплять свою личную власть. При этом, как и в характеристике других стран, автор выделяет ценности, которые тоже менялись: композитор Берлиоз дебютировал с «Проклятием Фауста», появился страстный роман «Кармен» Проспера Мериме, в 1854 году газета «Фигаро» «захватила» улицы [6, р. 36]. Казалось бы, что описание событий 1848 года в Германии идет в том же направлении: вопрос о монархии, об имперской короне. Но здесь автор акцентирует внимание на «отсутствии силы и единства», на неудачах в 1849 году Франкфуртского парламента, после того как прусский король Фредерик Уильям IV отказался от короны. Угроза со стороны Австрии сохранялась, Германский союз был подписан в 1850 году. И здесь, как и в других описаниях, присутствуют достижения в технике – это «циферблатный телеграф», изобретенный Вернером фон Сименсом, «бензиновый автомобиль» Карла Бенца [6, р. 57]. Выбор описываемых Ф. Л. Мортимер событий и достижений можно объяснить не только отношением автора к стране. Необходимо также учитывать, что в этот период даже в Британии, где не было революции, чартисты уже после революции обсуждали вопросы политического

лидерства, классового конфликта. При этом в каждой стране, и в том числе в Британии, были и противники революции, которые считали, что Европа пострадала от этих событий. Но вместе с тем автор выделяет и отдельные позитивные черты реальной жизни: в Великобритании шло бурное развитие экономики, начиналась техническая революция, в Германии, Пруссии, Австрии, Франции – технические достижения, новинки в литературе, музыке и т. д. Не менее любопытным является характеристика событий в России. Образ России ассоциируется у писательницы с «экспансионистскими амбициями царя Николая I, которые привели страну к «антиимперским восстаниям в Польше в 1830 и в Венгрии в 1849», к Крымской войне с «Оттоманской империей» и последовавшему поражению России. И в этих словах явно звучит определенная враждебность автора к стране, в них отражается и официальная позиция британского правительства и общественного мнения, считавшего, что Россия угрожает интересам их страны. Впрочем, не отступая от избранной схемы изложения достижений, например, об увеличении количества школ, о публикации «Мертвых душ» Николая Гоголя, Ф. Л. Мортимер пишет и о «бросающейся в глаза» жесткой цензуре, об анархисте Михаиле Бакунине и о развитии с 1850 года нигилистского движения [6, р. 48]. Как нам представляется, приведенные примеры иллюстрируют стереотипы восприятия Ф. Л. Мортимер страны, ее явно скептическое отношение к России.

Второй «уровень» – это описание стран, в котором особый интерес представляют визуальные характеристики (внешность, одежда), атрибуты повседневной жизни (еда, жилище), города и особенности городской жизни, черты национального характера и религия. Специфика текста представляется в неразрывной взаимосвязи взглядов автора и предлагаемого текста. В описании внешнего вида европейцев автор придерживается простых, наглядных, легко запоминающихся образов. Маркерами служили такие эпитеты: «высокий», «сильный», «крепкий». Шотландцы выглядят «степенными и задумчивыми», ирландцы – «сильными и цветущими», так как «солнце здесь не слишком жаркое, а ветер не слишком холодный», такая погода благоприятно влияет на цвет их кожи, итальянцы – «очень темнокожие», цвет их кожи зависит от большого количества солнца, волосы и глаза черные, но не столь «яркие и веселые, как у французов», но более задумчивые и печальные», и это вполне объяснимо, так как их страна «уныла и грустна» [6, р. 30, 33, 54]. Следует выделить описание немцев, которые в большинстве своем «крепкие, высокие, отлично выглядящие мужчины, потому как у них обилие продуктов; женщины – прекрасны и свежи», с улыбками на лице [6, р. 58]. Внешность англичан, ирландцев, шотландцев, французов и немцев не вызывает у писательницы иронии в отличие от внешности русских и испанцев. Здесь автор использует совсем другие эпитеты: «длинноволосые, бородатые, неуклюжие, с большими ногами», испанцы ассоциируются у нее с «грабителями, убийцами», живущими в горах и лесах [6, р. 40, 48]. Подобная характеристика европейцев лишь вершина айсберга, в книге выделены наиболее понятные, доступные детям и не только «портреты» европейцев. Иными словами, в тексте скрывается мощный подтекст восприятия европейцев самим автором, отражающимся в названии книги. В связи с этим неслучаен и интерес писательницы к различным атрибутам обыденной жизни европейцев. При конструировании повседневной жизни она прежде всего обращается к наиболее доступным восприятию элементам этой жизни – одежде,

пище, жилью (коттеджам). Описание этих атрибутов более детализировано. Можно предположить, что это не просто вопрос внешней атрибутики. Эти детали создавали определенный образ страны. Так, Ф. Л. Мортимер с явной иронией пишет, что внешний вид и одежда русских вызывает удивление: мужчины носят «длинные бороды», «огромные ботинки из бараньей кожи» хотя женская одежда более приятная – «их одежда висит, скрывая талию поясом, а меховые сапоги делают ноги толстыми, как у слона» [6, р. 48]. В отличие от ирландских бедняков, одежда которых «поношенная, заштопанная и сшита из грубой ворсистой ткани», в описании англичан писательница обращает внимание на тот факт, что даже представители «низших классов» носят добротную одежду: «мужская одежда сшита из сукна, а женское платье из хорошей хлопчатобумажной ткани» [6, р. 33, 25]. Нетрудно заметить, что у автора одежда служит показателем не только социальной разобщенности, но и достижений страны. Примером тому служат наиболее развитые страны Европы, в первую очередь Великобритания, поэтому значимость Великобритании в европейском мире, и не только в нем, ее ценности порождали и особенности описания страны. Ф. Л. Мортимер достаточно трепетно и бережно относится к своей стране. И неслучайно писатель начинает свое повествование со слов о том, «что каждый ребенок любит свою страну больше всего» и стремится узнать о ней как можно больше. Именно в этих словах проявлялся, на наш взгляд, воспитательный момент и цель автора – привить и укрепить любовь к Англии. Автор рисует картину «доброй» Англии с ее зелеными полями, белыми коттеджами и маленькими садами, с поющими птицами. Но, главное – это люди, живущие в Англии: их образ жизни, их характер. По крайней мере, одну нацию Ф. Л. Мортимер знала не понаслышке.

Следует отметить, что использование «своего» как инструмента познания «чужой» культуры является важным приемом для автора и, по-видимому, не зависит от страны, которую она описывает. Писательница не проводит прямых аналогий, но стремится сделать познание «чужой» страны понятным и заставляет читателя, хотя бы мысленно, сравнивать с Британией. Нельзя утверждать, что британцев вовсе не занимали особенности повседневной жизни других стран или их обычаи. Но для Ф. Л. Мортимер эта информация была значимой лишь с точки зрения сопоставления с британской действительностью: а вот «петербургские магазины не столь приметны, как лондонские, хотя их много на улицах, но большее количество товаров все же продают на рыночных площадях. Впрочем, русский рынок в ее восприятии нечто необычное, здесь можно увидеть странные вещи: «целиком замороженные туши и тушки – коров, телят, зайцев, – которые стоят, словно живые на рынках Санкт-Петербурга; зимой людям приходится быстро бегать по улицам, чтобы избежать подобной участи», ... при этом Петербург поражает огромным количеством дворцов, среди которых Зимний дворец – резиденция русского императора, самый большой в Европе из красивейших зданий [6, р. 51]. В отличие от Санкт-Петербурга, Москва менее величественная, но более «приятная», ее особенностью является Кремль, «состоящий из нескольких зданий, расположенных на вершине горы, ... это «старый дворец царей, живших много лет назад» [6, р. 52]. Прежде всего Ф. Л. Мортимер, как и другим англичанам, интересным и, можно сказать, занимательным фактом представлялись не столько походы по субботам в баню, сколько описание этих бань: помещение заполнено паром, «люди лежат на скамьях, ...

мужчины бьют друг друга вениками, затем обливаются холодной водой ... Русские чувствуют себя плохо без такого купания» [6, р. 51], но при этом они моются раз в неделю. Это прежде всего, по ее мнению, касается бедных слоев или, как их называет автор, «черных людей». Восприятие же представителей высших сословий несколько иное и представляет собой симпатизирующие отзывы о европеизированном русском из высшего общества: они очень любят компании, устраивают прекрасные празднества, во время которых «разговаривают, смеются, танцуют с утра и до вечера»; ... детям богачей дана большая свобода: они очень быстро обучаются танцам и пению», но при этом Ф. Л. Мортимер выделяет и такие негативные моменты в образовании мальчиков: они растут невеждами – мальчики «не хотят учить латынь и греческий, они слишком безрассудны для того, чтобы думать об изучении языков, на которых никто не говорит» [6, р. 49]. Безусловно, здесь присутствует достаточно распространенное в английском обществе мнение о русских. Общий тон повествования должен помочь читателям в восприятии русских и России как чего-то интересного, но вместе с тем и необычного. Для Ф. Л. Мортимер Россия – страна множества противоречий.

Перед нами определенная информация, которая в основе соответствует прочно вошедшим в сознание викторианцев устойчивым стереотипам о европейцах. Автором определены типичные черты характера европейцев и их особенности: французы – «любители поговорить», они «излишне оптимистичны», немцы – «добросердечные, предусмотрительные, заботливые в семье», русские – «любители развлечений, ненадежные в деловых отношениях, не платят долгов и не заботятся о своих слугах» [6, р. 36, 58, 53]. Давая свою оценку, Ф. Л. Мортимер подчеркивает «сдержанность и благородство» англичан. Складывается своеобразная и не очень лестная мозаика личных качеств европейцев. Мы получаем набор представлений английской писательницы о «чужом».

С одной стороны, автор обращает внимание читателей на описание различных деталей обыденной жизни европейцев, пытается найти подходящие элементы сходства этой жизни, тем самым осмысливает некую схожесть между британцами и другими европейцами, а с другой – в книге присутствуют неуважительные, порой самонадеянные и противоречивые заявления Ф. Л. Мортимер, отражающие викторианские предубеждения по отношению к другим странам и ее жителям. Образ Европы и европейцев проходит через фильтр английского восприятия. Ксенофобия Ф. Л. Мортимер наполнена созданными ею образами, системой стереотипов, своеобразными, достаточно занимательными ориентирами для читателя.

Данный литературный памятник – источник специфический, отражающий два образа: первый – образ европейцев, которому посвящен, второй – в сфере которого создан. Книга содержит суждения, которые были свойственны викторианцам и являлись не только важнейшим ключом к пониманию того, как английский читатель воспринимал не только Британию, но и другие европейские страны. Их оценки были легко запоминающимися, доступными детям и взрослым и составляли систему приоритетов, в которой жил автор и читатели этой книги. Таким образом, восприятие Европы и европейцев второй половины XIX века нельзя отделить от самосознания викторианского общества. Вместе с тем данный литературный памятник как исторический источник представляется интересным по многим причинам. В первую очередь, он не только иллюстрирует характерные викторианские

стереотипы восприятия «другого», но может служить примером суждений и наблюдений, по-видимому, не очень доброжелательной представительницы викторианской эпохи в Британии. Кроме того, интересен сам текст, имеющий свою структуру, включающую два «уровня» описания стран; в тексте не приводятся прямых аналогий. Анализ источника (литературного памятника викторианской эпохи) позволяет сделать вывод о том, что дозированность информации (события, достижения, достопримечательности, личные качества европейцев и т. д.) объясняется обращением к особой группе читателей – молодому поколению англичан – и, безусловно, убеждением Ф. Л. Мортимер, что восприятие своей и других стран чаще всего формируется в детстве. По большому счету, ксенофобия Ф. Л. Мортимер играла определяющую роль в описании Европы и европейцев. В книге Ф. Л. Мортимер находится мало место сочувствию и много нелицеприятному любопытству к нелепым инородным обычаям.

1. Одиссей. Человек в истории. 1993: Образ «Другого» в культуре»: науч. альманах / отв. ред. А. Гуревич. М.: Наука, 1994. 331 с.
2. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого»... поляки и русские глазами друг друга // «Диалог со временем». Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
3. Россия и Британия. Вып. 4: Связи и взаимные представления. XIX–XX в. М. 2006.
4. Румянцева М. Ф. «Чужое Я» в историческом познании: И. И. Лапшин и А. С. Лаппо-Данилевский // История и историки. № 1. С. 161–173.
5. Briggs A. Victorian People. A Resessment of Person and Jhemes 1851–1867. Harmendsworth, 1970.
6. Mrs. F. L. Mortimer. The Clumsiest People in Europe, or Mrs. Mortimers Bad-Tempered Guide to Victorian World. Ed. By Todd Prison. Copyright. Bloomsbery. N. Y. 2005.

1. Odissej. Chelovek v istorii. 1993: Obraz «Drugogo» v kul'ture»: nauch. al'manah / отв. red. A. Gurevich. M.: Nauka, 1994. 331 s.
3. Repina L. P. «Nacional'nyj harakter» i «obraz Drugogo»... poljaki i russkie glazami drug druga. «Dialog so vremenem». Al'manah intellektual'noj istorii. 2012, vyp, 39, pp. 9–19.
4. Rossija i Britanija. Vyp. 4: Svjazi i vzaimnye predstavlenija. XIX–XX v. M. 2006.
5. Rumjanceva M. F. «Chuzhoe Ja» v istoricheskom poznanii: I. I. Lapshin i A. S. Lappo-Danilevskij. Istorija i istoriki. No. 1, pp. 161–173.
6. Briggs A. Victorian People. A Resessment of Person and Jhemes 1851–1867. Harmendsworth, 1970.
7. Mrs. F. L. Mortimer. The Clumsiest People in Europe, or Mrs. Mortimers Bad-Tempered Guide to Victorian World. Ed. By Todd Prison. Copyright. Bloomsbery. N. Y. 2005.

Горбашова Галина Федоровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Марийский государственный университет,
Йошкар-Ола, gg-1005@mail.ru

Gorbashova Galina Fedorovna,
Candidate of Historiy, Associate Professor, Mari State University,
Yoshkar-Ola, gg-1005@mail.ru